

Глобальные ценности глобального мира

Е. М. Сергейчик

Санкт-Петербургская Академия постдипломного педагогического образования,
Российская Федерация, 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 11–13

Для цитирования: *Сергейчик Е. М.* Глобальные ценности глобального мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 532–543. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.313>

Статья посвящена проблеме глобальных ценностей, существование которых проблематизируется в условиях усиления регионализации как вектора мирового развития. Регионализация является не «концом глобализации», но ее этапом, на котором происходит «революция множественности» (М. Наим) — распространение закономерностей сетевого общества на весь мир. Глобальный мир — это не мир гомогенного человечества, базирующийся на одинаковых ценностях, а совокупность разнообразных этнокультурных и социальных сообществ, стремящихся к самостоятельности и самоопределению. Отталкиваясь от концепций М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Д. Белла и Н. Лумана, автор дает анализ информационного общества, в котором основным элементом является коммуникация как источник социальных инноваций. Цифровые технологии способствуют развитию таких человеческих способностей и личностных качеств, без которых общественный прогресс неосуществим. Если видеть перспективу человечества в развитии сетевого общества, где отношения между странами, регионами, социальными общностями и людьми выстраиваются на основе ценностей жизни, свободы, творчества, справедливости, права и т. п., то эти ценности следует признать глобальными. Особое внимание уделяется анализу реакции различных социальных сообществ на процесс регионализации, который находит свое выражение в углублении социального неравенства, в нарастающем конфликте поколений и других явлениях, способствующих распространению консервативных идей и настроений. На основе работ Ж. Деррида, Н. Лумана, Д. Кина показано, что глобальные ценности не являются достоянием исключительно европейской культуры, но в разной степени воплощаются и развиваются во всех культурах. На фоне кризиса политики мультикультурализма интеграция культур должна основываться на межкультурной коммуникации, для которой важен сам процесс согласования позиций. Цель межкультурной коммуникации не только обмен культурными ценностями, но демонстрация преимущества жизни людей в тех сообществах, которые ориентируются на глобальные ценности.

Ключевые слова: глобальные ценности, глобализация, регионализация, коммуникация, общество информационное, локальные культуры.

Современное состояние мира, которое характеризуется разнообразными межрегиональными и международными конфликтами, проблематизирует существование глобальных ценностей как основы становления единого человечества. Причину этого многие видят в глобализации, воспринимавшейся в начале 90-х годов XX в. как закономерный процесс интеграции мирового сообщества в единое экономическое, социальное и культурное пространство, в лоне которого формиру-

ется единое человечество. Однако сегодня глобализация зачастую расценивается как негативное явление, исчерпавшее свой позитивный потенциал и таящее в себе катастрофические последствия для всего мира. Широкое распространение получает мнение о грядущем «конце глобализации», о «возвращении истории», о начале «новой реальности», «нового порядка», «нового капитализма» как результата деградации и распада традиционных для постсовременного мира экономических, политических и социальных структур [1–3]. Однако с этим трудно согласиться.

Начавшийся в 60–70-е годы XX в. переход западных стран к постиндустриальному обществу реактуализировал идею всемирного исторического прогресса, который предстал как последовательная смена стадий развития: аграрной, индустриальной и постиндустриальной (Дэниел Белл). В 90-е годы XX в. информационная революция привела к трансформации постиндустриального общества в информационное, в котором наука и образование выступают основными факторами общественного прогресса, а высокообразованные интеллектуалы являются основным капиталом общества — «человеческим». В «обществе знания» началась «бесшумная революция» (Рональд Инглхарт), которая характеризуется сдвигом от материальных ценностей индустриального общества к «постматериальным», в результате чего общество трансформируется в «постэкономическое» (Элвин Тоффлер) и даже в «посткапиталистическое» (Питер Друкер). Речь идет уже не об уровне жизни, измеряемом количеством потребляемых благ, а качеством жизни, где приоритетную роль играют доступность высококачественного образования, здравоохранения, лучших образцов культуры, свобода выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения. Образование предстает как «процесс свободного определения каждым учащимся своего собственного смысла в жизни и обучении, то есть того места, которое знание должно занять в его жизни» [4, с. 564]. На смену массовому человеку с его «одномерным» некритическим, мышлением, предрасположенному к большим всеобъясняющим идеологиям и склонному к принятию простых решений, не учитывающих сложность и динамичность современного мира, приходит человек творческий, нацеленный на открытие нового, способный принимать нестандартные решения, обладающий критическим, стратегическим, перспективным мышлением, готовый к активному и конструктивному сотрудничеству с другими людьми. На место массового общества, представляющего собой «одинокую толпу», т. е. совокупность атомизированных, отчужденных индивидов, приходит общество, где решение жизненно важных проблем осуществляется в процессе их обсуждения людьми, представляющими интересы самых разных сообществ и объединений.

В контексте концепции постиндустриального развития современное общество — это общество инновационных трансформаций, которому соответствует сетевая форма организации социальных процессов, выстраивающихся по принципу электронных сетей. Это приводит к усложнению, диверсификации, децентрализации социального пространства и вместе с тем к нарастанию интенсивности и плотности коммуникации. Сетевой способ организации пространства, описанный в середине 70-х годов Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари как «ризом» с присущим ей принципом «незначущего разрыва», который позволяет возобновить рост в любом направлении, является оптимальным для генерации инноваций, возникающих вне логических детерминаций. Поэтому, как утверждал еще в начале 80-х годов Никлас Луман, не «социальное действие» является элементом социальной системы,

а «коммуникация», которая характеризуется «контингентностью» — непредсказуемостью, ненаправленностью, случайностью, нелинейностью [5, с. 327–355].

Общество предстает как «сеть самовоспроизводящихся коммуникаций», разлагающихся на действия (события), которые придают социальной структуре неустойчивость как необходимое условие ее обновления, качественного преобразования. Человек не элемент социальной системы, по Луману, его взаимоотношения с системой представляют собой модель «коммуникативного взаимопроникновения», означающего не обмен структурами, а их взаимное преобразование на собственных основаниях при сохранении свойства системности и границ между системами. Социальная система и человек не противостоят друг другу, коммуникация не средство, не инструмент передачи информации, а способ существования человека, личность которого формируется в процессе общения с другими людьми, всегда присутствующими в ее экзистенциальном опыте и придающими этому опыту интересубъективный характер. Чем разнообразнее и интенсивнее коммуникативные практики, тем глубже процесс персонализации личности, сохраняющей свою целостность и устойчивость. Коммуникация — условие и механизм рождения новых идей, новых принципов, новых норм и ценностей, новых способов социальной организации. Как показывают исследования известного специалиста в области бизнес-стратегий Дона Тапскотта, коллективное сотрудничество в любых сферах способствует более быстрому нахождению оптимальных решений актуальных проблем [6]. Таким образом, цифровые технологии помогают развитию человеческих способностей и личностных качеств, содействующих развитию информационного общества, которое по своему существу есть общество инновационное, или креативное. Речь идет не о технологическом детерминизме, а об эффекте «расширения медиа», описанном еще в начале 60-х годов XX в. Маршаллом Маклюэном: созданные человеком технико-технологические инструменты являются продолжением наших умственных и телесных «органов», они усиливают наши возможности, преобразуя при этом нас самих [7]. Если реализация ценностей информационного общества обеспечивает общественный прогресс, не означает ли это, что их следует рассматривать как ценности общечеловеческие, глобальные?

Утверждая в качестве элемента социальной системы коммуникацию, Луман стоял у истоков понимания современного общества как мирового сетевого сообщества, т. е. как общества, состоящего из потоков коммуникаций, которые структурированы по принципу сети. «Если исходить из коммуникации как из элементарной операции, воспроизводство которой конституирует общество, — писал Луман, — то в этом случае является очевидным, что в каждой коммуникации, причем абсолютно независимо от ее конкретной тематики и от пространственной дистанции между участниками, подразумевается мировое общество» [8, с. 82]. Базирующееся на информационных технологиях общество является ключом к пониманию глобализации, которую можно рассматривать как процесс распространения основных закономерностей сетевого общества на весь мир: «Глобализация и есть один из сетевых эффектов, самых существенных и ключевых. Глобализация обозначает новое качество мира, которое далеко не всегда может быть объяснено действием сетевых технологий. Но эти коммуникационные технологии лежат в основе “сжатия пространств” и углубления взаимозависимости мира — ключевых параметров глобализации» [9, с. 71].

Глобализация как «сетевизация» (Мануэль Кастельс) мирового пространства не стирает различия между регионами, не унифицирует мир, но, усиливая интенсивность и плотность коммуникации, стимулирует развитие его сложности, многомерности, разнообразия. В последнее десятилетие это выражается в явлении, которое воспринималось противниками глобализации как начало деглобализации — в регионализации, проявляющейся в усилении тенденции к самостоятельности регионов на всех уровнях: экономическом, политическом, социальном, культурном. Однако проблему дезинтеграции, неуправляемости, хаотизации следует связать не с «концом глобализации», а с «революциями множественности и мобильности», которые влекут за собой «революцию ментальности», о которой писал Мойзес Наим, развивая идеи Мишеля Фуко (M. Foucault) о «микровласти»: «Повстанцы, мелкие политические партии, инновационные стартапы, хакеры, активисты без четкой организации, новомодные альтернативные СМИ, молодые люди без лидера на площадях больших городов и харизматические личности, которые появляются словно из ниоткуда, — все они сотрясают старый порядок. Не каждый из них может похвастаться безупречной репутацией, но каждый отчасти несет ответственность за упадок власти полиции и армии, телевизионных сетей, традиционных политических партий и крупных банков» [10, с. 51]. Микровласть не только ограничивает возможности авторитетных игроков, но даже ухитряется выиграть у крупнейших игроков, поскольку оказывается весьма эффективной: ее не отягощают размеры, масштаб, портфели активов и ресурсов, централизация и иерархия — словом, весь тот багаж, который так долго и упорно накапливали крупные игроки. Микровласть расширяет сферу свободы, поскольку гораздо более легко, чем крупные социальные субъекты, ускользает от властного контроля государственных и иных силовых структур.

Вместе с тем революция множественности приводит к кризису традиционных представлений о типах, формах, видах экономики, государственного, политического и социального устройства, идеологий, которые теряют привычные смыслы и устойчивые очертания, постоянно меняют пространственно-временные ориентиры и смешиваются, порождая гибридные образования. Трансформация иерархических социальных структур в сетевые — «мягкие», дезинтегрированные, лишённые единого центра, с преобладанием координационных связей и отношений, свидетельствует наступлении «текучей современности» (Зигмунт Бауман), которая своей подвижностью, неопределенностью дезориентирует людей, порождая неуверенность в завтрашнем дне, недоверие к существующим институтам, страх перед будущим, ощущение грядущей катастрофы. Реакцией на глобальные перемены является повсеместное нарастание консервативного тренда во всех сферах общества, что проявляется в апологии силы как действенного средства решения политических и социальных проблем (усиление роли государства в регулировании экономики и обществом в целом), архаизации общества, стремящегося к восстановлению моральных и культурных норм и стереотипов, обеспечивающих устойчивое, «проверенное временем» существование (отстаивание традиционных семейных ценностей, неприятие однополых браков), широкое распространение мифорелигиозного мировосприятия (мистицизм, антирационализм, антисциентизм, клерикализм), предлагающего простые рецепты решения проблем, беспрецедентное влияние конспирологии, дающей не только «простые объяснения» сложных явлений, но и назначающей «виновных» [1; 11].

Усилению консерватизма способствует экономическое, политическое, социальное неравенство, которое обусловлено и неравномерностью мирового развития, усугубляющейся глобализационными процессами. Отсюда критика глобализации как процесса «вестернизации» — принудительного распространения западных ценностей, моделей, образцов на страны с иным социокультурным и историческими бэкграундом. Реакцией на сложности неомодернизации, с которыми сталкиваются развивающиеся страны, нередко является стремление к обособлению и изоляционизму, склонность к популизму и консерватизму, критика западных ценностей, отказ от признания ценностей универсальных, акцент на собственной культурной самобытности и наличии своего собственного исторического пути. Российскую историю вплоть до настоящего времени невозможно представить без идеологии, оказывающей влияние на общественную мысль — славянофильства, западничества, евразийства. И это культурное явление отнюдь не уникально. Яркий тому пример — весьма популярная и сегодня концепция негритуада, возникшая еще в конце XIX в. как идейная платформа антиколониализма и утверждения «особости африканского пути» и даже «афроцентризма» — убеждения в том, что африканская цивилизация не только породила египетскую, но и более древнюю нубийскую, т. е. всю мировую цивилизацию, и потому является центром мировой истории, из которой исходят все культурные импульсы, достигавшие всех концов света [12, с. 62–63]. Исследования модернизации показали, что вестернизация характерна для начального этапа преобразований, о чем наглядно свидетельствует опыт реформ таких стран, как Япония после революции Мэйдзи или современный Китай, которые сознательно копировали достижения индустриально развитых стран. Если на ранних этапах вестернизация поддерживает модернизацию, отмечал Сэмюэль Хантингтон, то с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается, прямые заимствования воспринимаются как покушение на суверенитет и происходит возрождение местных культур: «На социальном уровне модернизация усиливает экономическую, военную и политическую мощь общества в целом и заставляет людей этого общества поверить в свою культуру и утверждаться в культурном плане. На индивидуальном уровне модернизация порождает ощущение отчужденности и распада, потому что разрываются традиционные связи и социальные отношения, что ведет к кризису идентичности...» [13, с. 106] Далее судьба реформ зависит от того, насколько успешно используются для их проведения особенности национальной культуры, ее традиции и обычаи, о чем много и убедительно писал Шмуэль Эйзенштадт, полагавший, что цивилизации «продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждый из которых предлагает собственную программу культурного развития» [14, с. 144]. Таким образом, в развивающихся странах успех неомодернизации зависит от того, насколько к процессу освоения уже существующих в мире социально-экономических, политических, технико-технологических образцов подключатся собственные этно- и социокультурные механизмы и структуры, перестроенные и перенаправленные в соответствии с инновационным контекстом развитых постиндустриальных стран.

Вместе с тем помимо противоречий, которые возникают между странами и регионами, отличающимися по уровню социально-экономического и политического развития, есть еще одно, которое характерно и для IT-стран. Речь идет

о «цифровом разрыве» не только между социальными классами, но и между поколениями. Так, например, против выхода Великобритании из Евросоюза голосовали жители крупных городов, молодые и образованные, т. е. те, кто понимает определяющее значение науки и образования в развитии общества и позитивно оценивает процесс глобализации. Однако более трети населения страны, которая традиционно занимает передовые позиции в области научных и инженерно-технических разработок, не интересуются научными достижениями и не испытывают доверие к науке [15].

Эти и иные исследования свидетельствуют о том, что цифровая революция сопровождается появлением «цифрового поколения», которое иначе видит мир, чем старшее поколение, и чей выбор жизненного пути осуществляется в пользу глобализации как модели мира, отвечающей представлениям о прогрессе [16]. О таком поколении Дон Тапскотт и Энтони Уильямс пишут: «Интернет превращает жизнь в постоянное массовое сотрудничество, что безумно нравится этому поколению. Они даже не могут представить себе жизнь, в которой граждане не имеют инструментов для критического осмысления, обмена точками зрения, уточнения, идентификации или разоблачения обмана. Если их родители были пассивными получателями информации, молодые люди являются активными создателями медийного контента и испытывают страсть к взаимодействию» [6, с. 73]. Это поколение гораздо в меньшей степени склонно испытывать на себе влияние массовой культуры, которая продолжает свое существование и в постиндустриальном обществе.

Итак, процесс регионализации, которую Энтони Гидденс называет эпохой «суперразнообразия», не результат сворачивания глобализации, а ее проявление, ее фаза, свидетельствующая о росте значимости всего местного, локального как индивидуального, неповторимого и потому привлекательного и ценного. С этой точки зрения, глобальный мир — это не процесс образования гомогенного человечества, общепланетарной цивилизации, базирующейся на одинаковых ценностях, а совокупность разнообразных культурных и социальных сообществ, стремящихся к самостоятельности и самоопределению. Вместе с тем процесс регионализации не означает, что мир становится все более разобщенным, разъединенным, где каждая его частица лелеет свою «самобытность». Несмотря на возрастание региональных отличий, просматривается вполне отчетливая тенденция мирового развития, о которой писал Луман еще в 90-е годы: «Региональные различия являются естественным результатом проведения *региональных* сравнений, включая и те, которые со временем возрастают. Если же проводить *исторические* сравнения, то, напротив, выявляются согласующиеся тенденции, скажем, охватывающее весь мир разложение семейных экономик во всех слоях или распространенная по всему миру зависимость жизнедеятельности от техники, а также обнаруживающиеся в мировых масштабах диспропорции в демографическом развитии, которые прежде не проявлялись в таком масштабе. Да и функциональная дифференциация общества в мировом обществе имеет столь мощный фундамент, что она уже не может отвергаться в регионах даже при мощнейшем применении политических и организационных средств. Этому, прежде всего, учит распад Советской империи» [8, с. 170]. Отсюда следует, что стремление к самостоятельности и независимости не означает неотвратимость распада сложившегося мирового порядка; наоборот — только наращивание и интенсификация разносторонних взаимосвязей стран, регионов

способствует прогрессу, т. е. постоянному обновлению всех сфер общества, базирующегося на информационных технологиях. Иными словами, рост разнообразия мира не противоречит, а сопровождает процесс становления и развития информационного общества. Противоречия, возникающие между этими субъектами разнообразия, закономерны, но не фатальны и не влекут за собой деградацию мирового сообщества, но инициируют поиск эффективных способов решения проблем.

Анализ информационной революции и ее влияния на развитие экономической, политической, культурной сфер всех субъектов глобализации свидетельствует: третьи страны не продвигают глобализацию, они к ней по мере возможностей подключаются, втягиваются в нее. Реиндустриализация, которая характеризует страны, вступившие в информационную эпоху, означает возврат производства не на машинной основе, а на основе цифровых технологий. Такое производство нуждается не в дешевой, малоквалифицированной рабочей силе, а в высокоинтеллектуальных образованных специалистах. С 90-х годов отчетливо проступает тенденция взаимодействия развитых постиндустриальных стран со странами того же уровня развития и снижение взаимодействия со странами «периферии». Становится очевидным, что неучастие в глобализационном процессе обрекает развивающиеся страны на роль «обслуживающего персонала» государств с цифровой экономикой. Поскольку знания являются основным фактором общественного развития, неравный доступ к образованию, информационное неравенство становится источником социального неравенства и отставания стран. Знания, а не культурные и социальные традиции, выступают источником цивилизационного прогресса. «Единый и унифицированный мир не был, не является и не может быть целью глобализационного процесса, хотя, как это ни парадоксально, именно против этой угрожающей унификации и направлены наиболее пафосные выступления противников глобализации», — пишет Владислав Иноземцев [17]. Поэтому вхождение той или иной страны в мировое информационное сообщество возможно при условии, что человеческий капитал станет решающим ресурсом социально-экономического развития. А поскольку развитие человеческого капитала возможно при опоре на такие ценности, как свобода, творчество, жизнь, достоинство, сотрудничество, равенство, права личности и проч., то следует допустить, что, хотя эти ценности в наибольшей степени проявляются в истории и жизни европейских народов, их следует рассматривать как общечеловеческие, глобальные, без реализации которых в жизни общества и его институтов общественный прогресс неосуществим.

В 2009 г. вышла книга Дэя Кина «Жизнь и смерть демократии», в которой на обширном историческом материале показано, что такие явления, как демократия, верховенство права, свобода, толерантность и др., которые традиционно считались сугубо европейскими, в том или ином виде существовали и существуют у разных народов на разных этапах их исторического развития [18]. Соглашаясь с позицией Кина, Гидденс пишет: «Ценности, которые закладываются в основу «правильного общества», берут свое начало во множестве источников и имеют в своей основе некий универсальный фундамент. Их не следует просто-напросто «экспортировать» из стран Запада в более «дикие» регионы мира» [19, с. 161]. Ценности, которые сегодня востребованы информационным обществом независимо от региона его развития, являются ценностями общечеловеческим, свидетельствующими о перспективе существования глобального человечества. Еще раньше об этом писал

Жак Деррида: интерпретируя особенности современного мира, «необходимо проследить их истоки в европейском, авраамическом и по преимуществу христианском, т. е. на самом деле римском, наследии (с теми эффектами гегемонизма, которые имплицитно или эксплицитно присущи этому наследию). С другой стороны, мы никогда не должны, — ни в форме культурного релятивизма, ни в виде поверхностной критики европоцентризма, — отказываться от универсального, от острой потребности в универсализации, совершенно революционного стремления, которое постоянно влечет нас к тому, чтобы искоренять, де-территоризировать (вымещать), де-историоризировать это наследие, оспаривать его ограничения и эффекты свойственного ему гегемонизма...» [20, с. 129] Европейское наследие, по мнению Деррида, в силу своего избыточного потенциального содержания универсализируется, становится мировым достоянием при условии его «переоткрытия», «прорыва за собственные пределы», «самодеконструкции», освобождения от «собственных корней» и исторических, географических, национально-государственных ограничений. Парадоксальность этой задачи, по мнению Деррида, в том, что, сохраняя память об этом наследии, необходимо бороться с проявлениями неравенства, гегемонии, «гомо-гегемонизации», которую эта же самая традиция продуцировала и продолжает продуцировать до сих пор.

Понимаемое таким образом «глобальное» не является результатом «синтеза» локальных культур и не зародилось исключительно в недрах европейской цивилизации. Глобальное присутствует и развивается в локальных культурах в качестве смыслового стержня, постепенно обретая все большее значение и признание. Степень реализации глобальных ценностей в локальных культурах служит основанием признания их неравенства: невозможно признать равными культуры, если в одной признаны права и свободы человека, а в другой человек предстает как средство достижения надличностных целей, одна конфессия рассматривается как истинная по отношению к другим, женщины неравноправны с мужчинами, люди дискриминируются по возрасту и другим признакам. И именно глобальные ценности могут рассматриваться как лежащие в основе универсальной, глобальной культуры, которая «должна исключать присутствующие в некоторых национальных и других типах культур ценности, принципы и социальные практики, отрицающие равное достоинство всех человеческих существ. Она должна отвергать все аспекты конкретных культур, терпимо настроенные, защищающие и продвигающие дискриминацию и неравенство по признаку пола, возраста, здоровья, расы, религиозной веры, социального статуса, равно как и другие механизмы, используемые для исключения людей или ограничения их свободы» [21].

Кризис мультикультурализма был следствием признания равенства культур, базирующихся на отличных системах ценностей, что привело к замкнутости, изоляции некоторых культурных сообществ, а также к их конфликту и конфронтации с другими. Единственный приемлемый путь смягчения противоречий между народами — это межкультурный диалог, цель которого — не обмен культурными ценностями, как иногда полагают, а демонстрация преимуществ жизни людей в тех обществах, которые базируются на общечеловеческих ценностях. Однако поскольку сегодня глобализация порождает обширные зоны непонимания и напряжения между народами, межкультурный диалог испытывает серьезные трудности. Проблема видится не столько в достижении согласия, хотя именно это является в иде-

але конечным результатом диалога, сколько в выяснении и объяснении позиций сторон для установления взаимопонимания как основы мирного сосуществования и развития. Для того, чтобы расставить новые акценты на межкультурном взаимодействии, Гидденс предлагает вместо термина «мультикультурализм» использовать термин «интеркультурализм», поскольку он лучше подходит «для выражения того факта, что мы — все человечество — вступили в новую эпоху многообразия и социального единства», и уделить «первостепенное внимание процессам переговоров и диалога, способным положительным образом преобразовать общественное пространство» [19, с. 156].

В условиях «отсроченной демократии» (Ж. Деррида) достичь окончательного мира и консенсуса участников межкультурного диалога, в основе позиций которых лежат разные типы рациональности, нереально. Даже в обществе, членов которого объединяет более или менее общая система ценностей, всеобщее согласие труднодостижимо. Поэтому все больше внимания уделяется процедурной стороне демократии, которую понимают как совещательную (делиберативную), мониторинговую, основанную на диалогической этике, где легитимным является результат процесса обсуждения. Сегодня в самой процедуре диалога акцент ставится не на результате, а на процессе, поскольку в условиях «интеркультурализма» происходят столкновения, проблематизирующие самую возможность достичь даже компромиссного консенсуса. «Общественные дискурсы приобретают резонанс, — писал Юрген Хабермас, — исключительно в той степени, в какой они обладают диффузностью, а значит, при условии широкого, активного и в то же время не централизованного участия. Последнее, в свою очередь, требует, чтобы за всем этим стояла эгалитарная политическая культура, в своем формировании свободная от всяких привилегий, интеллектуальная во всем своем объеме [22, с. 55].

Итак, необходимо стремиться к тому, чтобы глобальные ценности последовательно находили свое воплощение и утверждались во всех сферах общества — в экономике, праве, политике, морали, религии, искусстве. Ведь даже в тех обществах, где ценности свободы и равенства рассматриваются как фундаментальные, экономика не свободна от различных форм эксплуатации человека человеком, права человека нарушаются, политики манипулирует гражданами в своих корпоративных целях, религиозные группы могут проявлять нетерпимость по отношению к другим. Глобальное в этом отношении придает смысл локальному, призывая сохранять и развивать местную экономику, культуру, осуществлять коммуникацию между различными сообществами, проживающими на одной территории под углом зрения глобальных ценностей, степень воплощения которых в различных культурах можно рассматривать как критерий вхождения в глобальное человечество.

Литература

1. Дуткевич, П. и Казаринова, Д.Б. (2017), Конец эпохи глобализации: причины и последствия, *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология*, т. 19, № 1, с. 7–14.
2. King, D. (2017), *Grave new world: the end of globalization, the return of history*, New Haven: Yale University Press.
3. Кондратьев, Вл. (2017), Конец глобализации, или к новому капитализму, *Перспективы. Электронный журнал*. URL: http://www.perspektivy.info/srez/etnos/konec_globalizacii_ili_k_novomu_kapitalizmu_2017-04-26.htm (дата обращения 03.05.2018).

4. Белл, Д. (1999), *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*, М.: Академия.
5. Луман, Н. (2009), *Введение в системную теорию*, М.: Логос.
6. Тапскотт, Д., Уильямс, Э. Д. (2009), *Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все*, М.: BestBusinessBooks.
7. Маклюэн, М. (2007), *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*, М.: Гиперборей, Кучково поле.
8. Луман, Н. (2004), *Общество как социальная система*, М.: Логос.
9. Назарчук, А. В. (2008), Сетевое общество и его философское осмысление, *Вопросы философии*, № 7, с. 61–75.
10. Наим, М. (2016) *Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства: почему управлять сегодня нужно иначе*, М.: АСТ.
11. Ламажаа, Ч. К. (2011), Архаизация общества в период социальных трансформаций, *Гуманитарные науки: теория и методология*, № 3, с. 35–42.
12. Бондаренко, Д. М. (2016), *Оттенки черного. Культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений афро-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США*, М.: Фонд Развития фундаментальных лингвистических исследований.
13. Хантингтон, С. (2005), *Столкновение цивилизаций*, М.: АСТ.
14. Эйзенштадт, Ш. Н. (2002), Множественность модернизмов в век глобализации, *Глобализация: Контуры XXI века*, М.: ИНИОН РАН, ч. 1, с. 136–145.
15. Небольсина, Е. В. (2017), Влияние «Брексит» на доверие к научному знанию в Великобритании, *Теория и практика общественного развития*, № 6. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.14>.
16. Пэлфри, Дж. и Гассер, У. (2011), *Дети цифровой эры*, М.: Эксмо.
17. Иноземцев, В. Л. (2003), Глобализация и неравенство: что — причина, что — следствие? *Россия в глобальной политике*, № 1, с. 158–175, URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_448 (дата обращения 18.04.2018).
18. Keane, J. (2009), *The Life and Death of Democracy*, W. W. Norton & Company.
19. Гидденс, Э. (2015), *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
20. Деррида, Ж. (2004), Глобализация, мир и космополитизм, *Космополис*, № 2 (8), с. 125–140.
21. Гибернау, М. Национальная идентичность vs космополитическая идентичность, *Михаил Гегтер*, URL: <http://gefter.ru/archive/18531> (дата обращения: 17.01.2018).
22. Хабермас, Ю. (1995), *Демократия Разум Нравственность*, М.: Academia, КАМИ, с. 32–55.

Статья поступила в редакцию 17 мая 2020 г.;
рекомендована в печать 25 июня 2021 г.

Контактная информация:

Сергейчик Елена Михайловна — д-р филос. наук, проф.; elena.sergeichik@gmail.com

Global values of the global world

E. M. Sergeichik

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education,
11–13, ul. Lomonosova, St. Petersburg, 191002, Russian Federation

For citation: Sergeichik E. M. Global values of the global world. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 532–543.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.313> (In Russian)

The article is devoted to the problem of global values, whose existence is problematized in the face of increased regionalization as a vector of world development. Regionalization is not “the end of globalization”, but its stage, which is “the revolution of plurality” (M. Naim) — distribution regularities of the network society on the whole world. The global world is not a homo-

geneous world of mankind based on the same values, rather the global world is a combination of diverse social communities striving for autonomy and self-determination. Building on the concepts of M. McLuhan, A. Toffler, D. Bell and N. Luhman, the article analyzes the information society in which the main element is communication as a source of social innovations. Digital technologies contribute to the development of human abilities and personal qualities without which social progress is impossible. If the vision of humanity in the development of the network society, where relations between the countries, regions, social communities and people are built on the basis of the values of life, liberty, creativity, justice, law, etc., then these values should be recognized as global. Particular attention is paid to the analysis of the reaction of various social communities on regionalization, which finds its expression in the deepening of social inequality, increasing conflict of generations and other phenomena that contribute to disseminating conservative ideas and moods. Based on the works of J. Derrida, N. Luhman and D. Kean, it is shown that global values are not the achievements of exclusively European culture but are to varying degrees implemented and developed in all cultures. Against the background of the crisis of multiculturalism, the integration of cultures should be based on intercultural communication, for which the process of coordinating positions is important. The purpose of intercultural communication is not only the exchange of cultural values, but the demonstration of the benefits of life in those communities that are guided by global values.

Keywords: global values, globalization, regionalization, communication, information society, local culture.

References

1. Dutkiewicz, P. and Kazarinova, D. B. (2017), The End of Globalization: Reasons and Consequences, *Vestnik of People' Friendship University of Russia, Journal of Political Science*, vol. 19, no. 1, pp. 7–14. (In Russian)
2. King, D. (2017), *Grave new world: the end of globalization, the return of history*, New Haven: Yale University Press.
3. Kondratiev, V. I. (2017), The End of Globalization, or Toward to the New Capitalism, *Perspectives. Online Magazine*. Available at: http://www.perspektivy.info/srez/etnos/konec_globalizacii_ili_k_novomu_kapitalizmu_2017-04-26.htm (accessed: 03.05.2018). (In Russian)
4. Bell, D. (1999), *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, trans. by Inozemcev, V. L., Moscow: Academy Publ. (In Russian)
5. Luhman, N. (2009), *Introduction in Theory of Systems*, transl. by Timofeev, K., Moscow: Logos Publ. (In Russian)
6. Tapscott, D., Williams, A. D. (2009) *Vikinomica. How Mass Collaboration Changes Everything*, transl. by Mironov, P., Vasilenko, G., Moscow: BestBusinessBooks Publ. (In Russian)
7. McLuhan, M. (2007), *Understanding Media: The Extensions of Man*, transl. by Nikolaeva, V. G., Moscow: Giperborea Publ., Kuchkovo pole Publ. (In Russian)
8. Luhman, N. (2004) *Society as Social Systems*, trans. by Antonovsky, A., Moscow: Logos Publ. (In Russian)
9. Nazarchuk, A. V. (2008), The Network Society and his Philosophical Understanding, *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 61–75. (In Russian)
10. Naim, M. (2016), *The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be*, transl. by Mezin, N., Poleshchuk, Y. and Sagan, A., Moscow: AST Publ. (In Russian)
11. Lamazhaa, Ch. K. (2011), Archaization of the society in the period of social transformation, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 35–42. (In Russian)
12. Bondarenko, D. M. (2016), *The Shades of Black Cultural-Antropological Aspects of Mutual Perceptions and Relations between African Americans and African Migrants in the U. S. A.*, Moscow: Fundamental Linguistics Development Fund Publ. (In Russian)
13. Huntington, S. Ph. (2005), *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, transl. by Velimeev, T., Moscow: AST Publ. (In Russian)

14. Eisenstadt S. N. (2002), Multiple Modernities in the Age of Globalization, in *Globalizatia: Kontury XXI veka*, Moscow: INION RAN Publ, pt. I, pp. 136–145. (In Russian)
15. Nebol'sina, E. V. (2017), Brexit Impact on Trust in Scientific Knowledge in UK, *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 6. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.14> (In Russian)
16. Pelfrey, G. and Gasser, W. (2011), *Children of Digital Age*, Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
17. Inozemtsev, V. I. (2003), Globalization and Inequality: a Cause or an Effect? *Rossia v global'noi politike*, no. 1, pp. 158–175. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_448 (accessed: 18.04.2018). (In Russian)
18. Keane, J. (2009), *The Life and Death of Democracy*, W. W. Norton & Company.
19. Giddens, A. (2015), *Turbulent and Mighty Continent What Future for Europe?* Moscow: Business Publ. (In Russian)
20. Derrida, J. (2004), Globalization, World and Cosmopolitanism, *Cosmopolis*, no. 2 (8), pp. 125–140. (In Russian)
21. Gibernau, M., National Identity Versus Cosmopolitan Identity, *Mihail Gifter*. Available at: <http://gifter.ru/archive/18531> (accessed: 17.01.2018). (In Russian)
22. Habermas, J. (2005), *Democracy, Reason, Morality*, Moscow: Academia, KAMI Publ., pp. 32–55.

Received: May 17, 2020

Accepted: June 25, 2021

Author's information:

Elena M. Sergeichik — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; elena.sergeichik@gmail.com